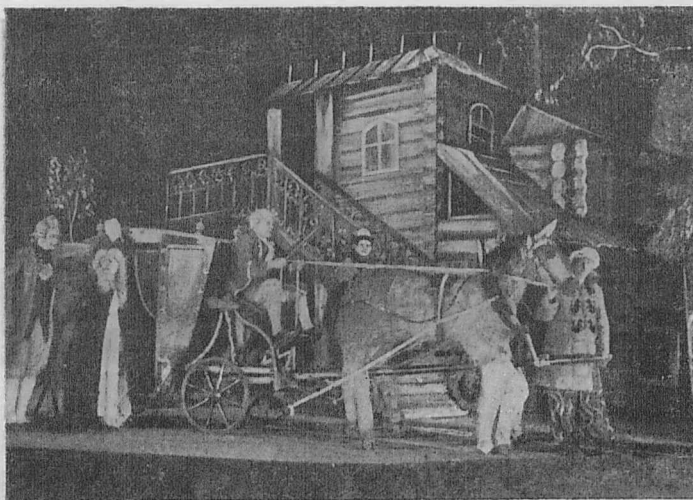

„Недоросль“
в Ленинградском Трампе.

большевик, так рассудительно поправляющий своего заблудившегося товарища; это не будет легкомысленный энтузиаст-простачек, прыгающий из одного спектакля в другой, потешая публику своими чудаческими увлечениями: то «гигиеной», то шахматами, то своим новым костюмом и т. д. и т. п.

Это будет умный, талантливый, радостный строитель новой жизни и своего собственного комсомольского счастья.

Спектакли Трама должны расцвести всеми цветами нашей многогранной и яркой жизни. Готов ли к этой задаче Трам? Хочется сказать, что готов! Готов, потому что как ни проста именно эта задача, нужно было пройти через два года шатаний, беспочвенных изживаний своих ошибок и топтания на месте, чтобы в конце концов понять простую истину, которую любил приводить Владимир Ильич: «Тео-

рия, мой друг, сера, вечно молодо и зелено древо жизни».

Готов, потому что уж очень надоело копаться в своих прошлых грехах, готов, потому что подлинная сущность трамовца — это борьба за новое; готов, потому что за спиной Трама его прошлое и впереди такое замечательное будущее!

После двухлетней передышки трамовский драматург находит в конкретной действительности такие особенные черты, которые сделают трамовские спектакли опять нужными и актуальными.

Трамовский актер, возвращенный в свою родную стихию актуальной политической тематики после двухлетних скитаний по театральным системам, сумеет создать образы новых комсомольцев-героев.

И все же, как бы ни был готов Трам к новой работе, одному ему своими силами с этой задачей не справиться.

Нужны новые силы и, в первую очередь, на фронте драматургии.

А такие силы есть, и их нужно организовать.

Вот почему мне хочется приветствовать приход в трамовскую драматургию талантливого очеркиста «Комсомольской правды» Семена Нариньяни. Его цвеса, которую он заканчивает для Лентрама, в известной степени дает право надеяться, что все мои сегодняшние рассуждения не останутся только рассуждениями.

Говоря о путях Трама, я ничего не сказал по поводу последних его работ, хотя бы о «Недоросле». Несмотря на то, что я далек от удовлетворения этим спектаклем, хочется о многом поспорить, не согласиться с рядом, кстати сказать, противоречивых, диаметрально противоположных утверждений критики. Хочется попросить уважаемых критиков сначала прочитать высказывания по поводу фонвизинских героев, ну, хотя бы Салтыкова-Щедрина или Воровского, после этого посмотреть спектакль, как он идет в неприкосновенном виде в московском Малом театре,

моих чувств, в жесте, интонации, в движении я должен был научиться соблюдать чувство меры. Путем очень кропотливой, сложной и высокопоучительной для меня работы мы с Николаем Павловичем, занимаясь у него на квартире, сравнительно быстро добились нужных результатов.

Почувствовав Антона Шметелюка, что называется, в соку, необходимо было добиться тончайших оттенков и красок в отделе роли, которые вот уже после пятидесяти сыгранных мною спектаклей стали, наконец, ясны мне. Я вижу, какую они несут важную и ответственную задачу в деле развернутого раскрытия перед зрителем всей сущности образа.

Оказывается, что разница между шопотом, тихим и громким словом огромна. Существуют тысячи вариаций жеста, походки, мимики, которые я познал пока что лишь намеком, но которыми, надеемся, в своей дальнейшей работе овладеть, углубляя и развешивая работу над образом.

Интересно еще заметить, что, оказывается, у каждого актера есть свое собственное обаяние как художника, и чем это обаяние тоньше, тем больше появляется красок на палитре действия роли, тем скупее, но ярче подается слово. Не крикливость, но выразительность,

простота и правда поступка оправдывают его перед тысячью зрителей. Простота и ясность воздействуют на всякого зрителя.

Мои чувства и мое сознание, воплощенное в художественный образ, созданный мной, художником-большевиком, заставляют зрителя верить в то, что совершается на сцене, и мой плач и мой смех становятся им близкими, привычными и дорогими. По окончании такого спектакля и я и зритель расходимся удовлетворенными тем обоюдным контактом, который у нас получился.

Наша работа над спектаклем «Девушки нашей страны» лишней раз практически доказала, что комсомолу нужен хороший театр, но такой театр может вырасти лишь при наличии хороших режиссеров и грамотных актеров.

А воспитать режиссера в актера можно лишь на хорошей пьесе, на полноценном художественном произведении, отражающем нашу эпоху, эпоху новой жизни и нового человека. Такую пьесу нашему комсомольскому театру должны дать наши советские драматурги. Мы будем над ней честно работать и на ней учиться, оправдывая требования, которые нам предъявляет работающая молодежь не только столицы СССР, но всего Союза как театру ленинского комсомола.

РИС. А. НОСТОМОЛОЦКОГО

„Девушки нашей страны“
в Московском Трампе.
Скрипка — арт. Иванов.

